

**ВАДИМ НОВГОРОДСКИЙ:
ВЫМЫСЕЛ ИСТОРИКОВ
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТОРОВ
XVIII–XIX ВВ.**

Аннотация: В статье исследуется процесс создания и развития легенды о Вадиме Новгородском в исторических сочинениях и литературных произведениях XVIII–XIX вв. Фигура Вадима Новгородского была тесным образом связана с первым русским князем Рюриком. Недостаток информации о двух ключевых событиях начальной русской истории (призвании варягов и восстании новгородцев под предводительством Вадима Храброго) побудил историков домысливать исторические факты, а литераторов вольным образом их интерпретировать.

Ключевые слова: Вадим Новгородский, Рюрик, призвание варягов, историческая память, историческая беллетристика.

Об авторе: Артамонов Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. 410065, г. Саратов, ул. Саперная, 16-49. artamonovds@mail.ru

Вадим Новгородский стал легендарной фигурой российской истории и популярным персонажем художественной литературы XVIII–XIX вв. Его судьба занимала как историков, так и литераторов. Скудность известий о Вадиме ничуть не смущала авторов. Не имея почти никаких известий, они смело создавали его биографию, придумывая события, действия, поступки, слова, которых никогда не было. Образ Вадима Новгородского – идеальный пример конструирования исторической реальности на основе авторского вымысла.

О Вадиме Новгородском стало известно из сообщения Никоновской летописи, достаточно позднем летописном сборнике XVI в., где под 6372 (864) г. значилось: «Того же лета оскорбишася Новгородцы глаголющее: яко быти нам рабом и

много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби Новгородцев советников его» [1: 16; 2: 9]. Этих строчек летописи историкам и писателям XVIII–XIX вв. хватило для того, чтобы создать развернутый образ исторического героя, прочно закрепив его в сознании россиян в качестве реального исторического деятеля, известного тем, что он не побоялся бросить вызов первому русскому князю Рюрику, приглашенному вместе с другими варягами править в Новгороде. Рюрик, согласно летописному свидетельству под 6370 (862) г., был приглашен в Новгород в качестве князя вместе со своими братьями Синеусом и Трувором самими новгородцами [3: 46]. Получалось, что легенда о Вадиме была теснейшим образом связана с вопросом о добровольном призвании варягов. Авторы имели большое доверие к летописным свидетельствам, и у них не было причины ставить под сомнение факт восстания под предводительством Вадима, но его противодействие Рюрику нуждалось в объяснении.

Первым, кого заинтересовало летописное сообщение о Вадиме Храбром, был В.Н. Татищев. По его мнению, Вадим был славянским князем, внуком новгородского правителя Гостомыла от старшей дочери [4: 65], тогда как Рюрик был сыном средней дочери [4: 54-55, 65]. Тем самым историк объяснял суть конфликта династическими притязаниями одного из славянских князей [5: 585]. В.Н. Татищев рисует Вадима предводителем антиваряжской группы новгородцев, храбрым воином, не побоявшимся бросить вызов могущественному правителю. Историк свободно меняет по своему усмотрению хронологию событий, он помещает известие о сопротивлении Рюрику под 869 г., а не под 864 г. как указано в летописи. Получалось, что новгородцы восстали только после семи лет его владычества. Видимо, Татищев считал, что по каким-то причинам новгородцы не желали видеть князем Вадима, претендовавшего на власть по праву первородства, и призвали правителей из-за моря, но по прошествии длительного времени у них накопились претензии к новым властителям, чем и воспользовался Вадим.

Кроме того, Татищев меняет хронологию самого события, тем самым, меняя его внутренний смысл. Согласно летописному сказанию вначале новгородцы, так как «много зла всячески пострадати» от Рюрика, выказывали свое недовольство, не желая быть рабами его, а затем Рюрик убил Вадима и многих его советников. Татищевым эта история представлена ровно наоборот: «В сии времена славяне бежали от Рюрика из Новгорода в Киев, так как убил Водима, храброго князя славянского...» [5: 13], т.е. вначале Рюрик убил Вадима, и только затем новгородцы бежали в Киев. Сопrotивление власти Рюрика приобретает под пером историка пассивный характер – бегство. В комментариях к тексту Иоакимовой летописи он также неопределенно говорит о народном беспокойстве: «Рюрик убил славянского князя Водима, что в народе смятение сделало» [4: 65]. И так, история противостояния новгородцев и Рюрика никоим образом не выглядит как попытка сопротивления его власти, а представлена ссорой двух князей.

Причину бегства новгородцев в Киев Татищев объясняет тем, что «некоторые славяне, не желали под властью Рюрика, как варяга, быть» [5: 585]. Здесь, по сути, делается предположение о существовании в Новгороде некой антиваряжской «партии», сделавшей своим знаменем Вадима, имевшего, по их мнению, больше прав на княжение и бывшего славянином. Таким образом, только подчеркивалось, что большинство новгородцев признали власть Рюрика, а Вадим действовал не самостоятельно под влиянием лишь незначительной группы своих сторонников, не имея широкой поддержки.

Не смотря на старания Татищева придать эпизоду с сопротивлением новгородцев владычеству Рюрика незначительный характер, им была заложена основа легенды о Вадиме Храбром, неизменно привлекавшая внимание в дальнейшем, как историков, так и литераторов. Структура образа Вадима, набросанная Татищевым, была такова: Вадим – славянский князь, внук новгородского правителя Гостомысла от старшей дочери, предводитель или же «знамя» антиваряжской группы новгородцев,

храбрый воин, не побоявшийся бросить вызов могущественному правителю, за что и был убит им.

Пожалуй, самую значительную лепту в создание легенды о Вадиме Новгородском внес М.В. Ломоносов. Он, так же как и Татищев, не сомневался, что идея пригласить варягов на княжение принадлежала Гостомыслу, однако, ученый не называет его князем, а именует старейшиной [6: 55]. Ломоносов предполагал, что в Новгороде до призвания варягов было общенародное правление, и именно Рюрик устанавливает самодержавную форму власти. Поэтому Гостомysl не был князем и Вадим не являлся его родственником. Вадима Ломоносов называет «знатный новгородец» [6: 59], что очень неопределенно характеризует его общественный статус, но в то же время создает представление о его некоем высоком положении в обществе. Об этом же говорит и указание ученого, что Вадим, готовя восстание, уповал на «свою у новгородцев важность» [6: 59].

В отличие от Г. Байера, Г. Миллера и А. Шлецера, основоположников нормандской теории, М.В. Ломоносов был убежден, что Рюрик происходил из славян. Ученый исходил из того, что, помимо варяг скандинавских, существовали варяги-россы, жившие в Пруссии, от которых и происходил Рюрик. Эти варяги-россы, по мнению Ломоносова, были славянами [7: 66]. В то же время россы у Ломоносова противопоставлены славянам новгородским, что нашло отражение в описываемой им истории о Вадиме. Владычество Рюрика характеризовалось как установление «росской власти». Вадим у Ломоносова «советовал с единомышленниками, как бы избыть от росской власти» и говорил новгородцам, что «Рюрик пришел привести их россам в рабство и в роды родов утвердить самодержавство». Таким образом, власть Рюрика рассматривалась как установление господства чужого народа и самодержавного правления, Вадим же характеризовался Ломоносовым как «человек, склонный к общенародному прежнему владению». Ученый, тем не менее, не отказывал Вадиму в честолюбии, он предположил, что новгородец «и сам

желал быть, по-видимому, в том (общенародном правлении. — Д.А.) участником или еще и главным» [б: 59].

В своих претензиях Вадим опирался на поддержку своих «сообщников», «единомышленников», которых, как предполагал Ломоносов, было достаточно в Новгороде. Это были те, кто «на избрание Руриково не соглашались», «неспокойные головы» «роптать приобывшие», которых Рюрик со своими братьями Синеусом и Трувором «принудили к молчанию и к оказанию совершенной покорности». Вадим оказался во главе их, стал открыто роптать, за что был с главными сообщниками предан смерти. Примечательно, что у Ломоносова вся вина Вадима заключалась не в выступлении против Рюрика, а в том, что он «говорил не закрыто» и только замышлял восстание. Рюрик казнил Вадима «услышав сии возмутительные речи и узнав умышление» [б: 59].

М.В. Ломоносов обогатил миф о Вадиме новыми чертами, восприятие нарисованного им образа порождало новые смыслы. Вадим предстает как поборник демократической формы правления, защитник славянского народа, как человек, пострадавший за свои убеждения, казненный лишь за умысел и пропагандистские речи.

Федор Александрович Эмин издал первый том своего труда о российской истории через год после выхода в свет сочинения М.В. Ломоносова. С.М. Соловьев охарактеризовал Эмина как историка, который «берет бог знает какие источники, бог знает какие списки летописей и начинает витийствовать, сочиняя факты и речи действующих лиц, не щадя никаких средств для достижения своей цели, т. е. для украшения рассказа» [8: 1381]. К фантазиям Эмина можно было бы относиться как к историографическому курьезу, если бы не одно обстоятельство. Труд Эмина был оплачен из средств Кабинета Екатерины II и пользовался вниманием высочайших особ, в том числе, возможно, и самой императрицы [9: 471-472], которая внесла значительный вклад в формирование мифа о Вадиме.

В своем сочинении Ф.А. Эмин очень критически отозвался о М. В. Ломоносове как историке, но это не помешало ему воспользоваться неизданными материалами рукописного насле-

дия ученого и позаимствовать из его исторических трудов описание некоторых сюжетов [9: 472-473; 10: 4-5]. Так описание Эмином истории Вадима почти текстуально совпадает с рассказом об этом событии у Ломоносова. Однако писатель, не изменяя своим принципам сочинительства, привносит в него немного собственного воображения, тем самым способствуя развитию легенды. Оставляя структуру рассказа, использованную Ломоносовым, Эмин употребляет несколько другие слова, что придает событию совершенно другую семантическую характеристику и трансформирует образ Вадима. Если у Ломоносова Вадим – народный герой, казненный за открытый им образ мыслей, то у Эмина он «зломышленник», выступивший против законной власти. Ф. Эмин утверждал, что «народные роптания побудили гордого Вадима вельможу Новгородского к измене своему Государю» [10: 81]. Слово «вельможа» может употребляться в двух значениях 1) знатный человек и 2) государственный чиновник [11: 594], а государь здесь в значении «царь», «владелец» [12: 279]. Это отражает общее представление о Вадиме как знатном новгородце и соответствует убеждению Эмина о том, что Вадим был на государственной службе и должен был подчиняться владельческому государю.

Вадим дважды в тексте у Эмина характеризуется как человек гордый, что также не говорило о нем как о положительном герое. Гордый значило надменный, высокомерный, спесивый и т.п. Это проявлялось в том, что он, «войну любящий», «разные заговоры между новгородцами делать привыкший, желал сам владения». Вадим также уповал на «гордость своих единоплеменцев» [10: 81], что в контексте общего негативного описания новгородцев как своевольных, беспокойных, склонных к ссорам, междоусобиям и злодеяниям людей было вполне логично.

В этой связи призывы Вадима к новгородцам «извергнуть то иго, которое на них тогда налагать начали», его открытые речи, что «Рюрик пришел из варяг, для того чтобы лишить их вольности, привести их варягам в рабство, и в роды родов в земле их утвердить самодержавство» [10: 81] оказывались весьма

двусмысленными, так как, по мнению Эмина, Вадим сам желал утвердить свою единоличную власть над Новгородом. Таким образом, Ф.А. Эмин закладывал основы негативного образа Вадима, наделенного всего одним положительным качеством – храбростью. Вадим Новгородский у Федора Эмина – мятежный слуга своего владетеля, охваченный гордыней и желающий безграничной власти.

Самый значительный вклад в формирование легенды о Вадиме внесла императрица Екатерина II. Именно благодаря ее стараниям, образ Вадима перекочевал из исторических сочинений в литературу и получил дальнейшее развитие. Внимание императрицы к этому сюжету объясняется не только ее увлечением начальной русской историей, но и вполне очевидной актуальностью. Тема династических кризисов, переворотов, восстаний, мятежа, которые, так или иначе, были представлены в истории о Вадиме, не могла не волновать правительницу, получившую власть в результате дворцового переворота.

К теме начала российской государственности Екатерина обращалась в двух своих сочинениях: историческом исследовании «Записках, касательно российской истории» [13: 24-27], драме «Подражание Шакеспиру, историческое представление без сохранения театральные обыкновенных правил, из жизни Рюрика» [14: 220-251], а также в переписке с Ф.-М. Гриммом [15: 340-350].

Историки достаточно часто отмечают, что Екатерина в своих исторических «штудиях» и при написании пьесы «Из жизни Рюрика» следовала в русле идей В.Н. Татищева и многое заимствовала из его сочинения [16: 72-73]. Татищева императрица выделяет среди других авторов, противопоставляя его Ломоносову и Щербатову. Об этом она сама признается в письме Сенаку де Мельяну в 1791 г.: «... изыскания Ломоносова очень поверхностны. История князя Щербатова и скучна и тяжеловата; голова его не была способна к этой работе. История Татищева – совсем другое дело; это был ум человека государственного, ученого и знающего свое дело» [17: 199].

Конечно, дело здесь не только в глубине исторического труда Татищева и литературности изложения материала. Татищева и Екатерину сближает общность политической позиции. Оба они ведут начало славянской княжеской власти не от Рюрика, а от баснословных славянских князей, перечисленных Татищевым со ссылкой на Иоакимову летопись, так как одним из их важнейших политических убеждений было представление о легитимности самодержавной власти только как о власти, передающейся по наследству.

Вадим в драме Екатерины II – сын младшей дочери Гостомысла. Если у Татищева претензии на власть Вадима обосновывались правом первородства, то у Екатерины сопротивление Вадима выглядит беспочвенным бунтом против абсолютно законного правителя. Свое право на княжение Вадим обосновывает тем, что он местный князь, ему не чужды законы и обычаи славян. Однако славянские старейшины решают выполнить завещание Гостомысла, по которому необходимо было призвать на княжение его старшего внука с братьями, сыновей средней дочери Умилы.

Следует указать, что у В.Н. Татищева бунт Вадима выглядел как акт индивидуального сопротивления Рюрику. Татищев писал, что Вадим «не хотел как раб быть варягам» [5: 13], и потому был убит. Екатерина же и в записках, и в пьесе излагает этот мотив известный из летописи во множественном числе: «В сии времена многие славяне бежали от Рюрика из Новгорода в Киев, не хотели яко рабы быти варягов» [13: 27], в пьесе тоже самое: «Многие Славяне бегут из Новаграда к Киеву, говорят: что не хотим рабами быть Варягам» [18: 160]. Поступок Вадима оказывается, таким образом, еще худшим, чем это представлено у Татищева. Вадим совершенно безосновательно настроил против Рюрика Новгородцев, по сути, обманул их, выставив Рюрика тираном, а себя поборником свободы и независимости родной земли.

В пьесе Вадим настраивает народ следующими аргументами: «будто Славяне в уничижении находятся, и мало уж где в знатности; что великое число Варяг с Князем Великим придет в

Русь; что повсюду они пошлются и употреблены будут и угнетут Славян и Русь; что Варяги более искусны на море, нежели на сухом пути, и что ратного дела Славян и Руси отнюдь не знают и не смыслят» [18: 156]. Все это Вадим утверждал еще до того как Рюрик прибыл в Новгород. В «Записках, касательно российской истории» Екатерина видит причину беспорядков в «зависти новгородцев противу варяг» и уточняет: «Мнят, что жалоба состояла в том, будто народ славянский уничижен и мало где в знатности славян находится; но повсюду варяги посылаются и употребляются» [13: 27].

Примечательно, что Екатерина в записках не писала об убийстве Вадима. Она только указала, что «Великий князь Рюрик вскоре усмирил те беспокойствия и зачинщиков наказал» [13: 27]. Опуская момент с убийством, Екатерина оставляет читателю возможность самому догадаться о мерах наказания, а себе простор для развития сюжета. В письме Ф.-М. Гримму (1795 г.) Екатерина объясняла, что «не смея включить» свои догадки о Рюрике в «Записки, касательно российской истории», «потому что они были основаны только на некоторых темных словах Нестора в его хронике и на одной выдержке из Далина в его истории Швеции», ей пришлось в голову выразить в драме все то, что она не могла напечатать в историческом исследовании [15: 349-350]. Информация, которую могла почерпнуть Екатерина из летописей и сочинений историков, была крайне скудна, однако сам сюжет представлял огромные возможности для создания моралистического произведения.

Все что Екатерина не смогла сказать в своих исторических записках, будучи вынуждена следовать имеющимся в ее распоряжении известиям о призвании Рюрика и сопротивлении ему Вадима, она смело высказала в драме «из жизни Рюрика». Кульминацию противостояния императрица излагает следующим образом: Вадиму удастся посеять беспокойство в народе, правда, он не совершил большего проступка, кроме как произнесения возмутительных речей (здесь Екатерина идет вслед за М.В. Ломоносовым, который считал, что вся вина Вадима за-

ключалась не в выступлении против Рюрика, а в «возмутительных речах» и «умышлении» [6: 59]), волнения начались еще до прихода Рюрика в Новгород, но они быстро улеглись, как только новгородцы узнали, что Рюрик с войском идет к городу. Вадим был схвачен, многие новгородцы разошлись по домам, некоторые бежали в Киев.

Екатерина II показывает, что именно усилиями местного князя было посеяно недовольство в народе, но оно не имело явных, глубоких причин и поэтому быстро иссякло. Милость, явленная новгородцам и самому Вадиму со стороны Рюрика, а он помиловал Вадима, выставляет его как просвещенного, заботливого монарха, который хотя и чужеземного происхождения, все равно предпочтительнее сеющего смуту своего местного правителя. Екатерина устами Рюрика подтверждает это. Так, когда Рюрик узнал, что новгородцы бегут в Киев сказал: «Поворотятся, когда узнают, что инде житии хуже, нежели с Варягами» [18: 160]. Об этом же свидетельствует и вся сцена помилования Вадима и признания им себя верным подданным Рюрика.

Я.Б. Княжнин в своей знаменитой трагедии «Вадим Новгородский», развивая образы, предложенные императрицей Екатериной II, следовал идеологии просвещенного монарха. Рюрик в произведении призван новгородцами, чтобы усмирить их междоусобицы, в чем тот и преуспел. Замирив новгородцев, он отказывается от власти, но народ упрашивает его стать им князем. Даже когда Вадим предстал побежденный перед Рюриком, он еще раз предложил отдать царский венец, однако, народ преклонился перед ним еще раз. Рюрик, как подобает просвещенному монарху, проявил милосердие к Вадиму, правда тот его не принял [19: 580-581, 587-592].

Тем не менее, Княжнин внес в образы главных героев значительные коррективы, серьезно изменившие их смысловую направленность. Екатерина II, следуя за В.Н. Татищевым, утверждала, что Рюрик был наследником Гостомысла, являвшегося правителем Новгорода. Рюрика и Вадима они называют князьями. Гостомысл, по их мнению, если и не был самодерж-

цем, то, по крайней мере, имел на это право [4: 54-55, 65; 14: 223-227]. Княжнин отрицает этот факт. Рюрик у него «гонимый царь» варяг. Гостомysl не имел никакого права звать его и распорядиться вольностью Новгородцев [19: 551]. Таким образом, Рюрик у Княжнина не потомок новгородского князя, а варяжский царь, которого изгнали за что-то варяги, и принял Гостомysl. Гостомysl сам же не был царем или князем и только через свою дочь породнился с царской династией варягов. Вадим также не был князем, а был полководцем, новгородским военачальником, желавшим вернуть новгородцам вольность и не претендовавшим на трон.

Также Княжнин вносит изменения и в сюжет трагедии: Рюрик был влюблен в дочь Вадима, что полностью изменяет трактовку сюжета Екатериной II. У нее Рюрик уже женат, а Вадим младше своего двоюродного брата. У Княжнина Вадим зрелый воин, он гораздо старше Рюрика и свою дочь делает заложницей своих планов по восстановлению свободы в Новгороде (он обещал отдать ее тому из своих сподвижников, кто более решимости проявит в борьбе за свободу [19: 551]).

В развязке сюжета Вадим поднимает восстание, Рюрик вынужден защищать свою власть, проливается кровь, сподвижники Вадима гибнут, а сам он предстает перед судом владыки Новгорода. Рюрик ни на шаг не отступил от образа просвещенного монарха, он дарует милосердие Вадиму и свободу, отдав меч. Более того, Рюрик просит руки его дочери, но Вадим продолжает свободолюбивые речи, отрекается от раболепного народа и от своей дочери, верной тирану, дочь его закаляется кинжалом, после чего и сам Вадим бросается на меч.

Концовка произведения имела явный тираноборческий подтекст, когда сопротивление тирану не ограничивалось коллективным восстанием, а приобретало индивидуализированный характер, выраженный в нежелании получить прощение из рук милосердного и просвещенного государя. Однако главный тираноборческий пафос произведения Княжнина состоял в тех речах, которые произносил Вадим против тирании. В этом нельзя

не увидеть влияние образа Вадима Новгородского, намеченного М.В. Ломоносовым и дополненного Екатериной II. Трагедия Я.Б. Княжнина вызвала гнев Екатерины II, как известно, по ее приказу она была сожжена [20: 361]. Образ тираноборца Вадима, не принимающего прощения просвещенного самодержца, не укладывался в ее идеологическую систему, хотя Княжнин, всего лишь развивал идеи, намеченные императрицей.

П.А. Плавильщиков в трагедии «Рюрик» [21: 594-642], оставаясь в рамках предложенной императрицей парадигмы, смог развить ее идеи в совершенно другом направлении. Образ Вадима Новгородского Я.Б. Княжнина Плавильщиков полностью изменил на прямо противоположный. Однако образ Рюрика, намеченный Екатериной II, он оставил неизменным – это образ просвещенного монарха.

В трактовке образа Вадима Новгородского П.А. Плавильщиков следует за Федором Эминым. Он не признает за ним княжеский титул и называет Вадима «вельможей новгородским». Вадим, обуреваемый честолюбивыми стремлениями стать владыкой Новгорода, но не имеющий на это никаких законных и моральных прав, пытается составить заговор против Рюрика. Тем не менее, все интриги Вадима разрушаются милосердием и добродетелями Рюрика. Вадим показан в пьесе обыкновенным злодеем, который ради власти готов принести в жертву собственную дочь (кстати, как было указано выше, дочь у Вадима появляется впервые у Я.Б. Княжнина, и Плавильщиков использует этот сюжет).

Конец трагедии явно показывает, какую цель преследовал Плавильщиков, берясь за эту историю. «Козни» Вадима и распространяемая им клевета открываются, и он предстает перед Рюриком. Вадим осознает свое преступление и пытается покончить с собой, заколовшись кинжалом, но Рюрик не дает этому случиться. Он прощает мятежника, и Вадим с благодарностью принимает милосердие владыки славян. Только такая концовка могла устроить императрицу Екатерину II, так она соответствовала ее представлениям. Плавильщиков тем самым исправил

идеологические ошибки, допущенные в трактовке образа Вадима Новгородского Я.Б. Княжнинным.

В начале XIX в. Вадим Новгородский остается популярной исторической фигурой, которая привлекала внимание выдающихся российских литераторов. М.М. Херасков в стихотворной повести «Царь или спасенный Новгород» продолжил развивать тему преступности сопротивления княжеской власти Рюрика и вывел в своем произведении Вадима под именем Ратмир, показав его отпетым злодеем [39]. Вадим Новгородский появляется также в повести М.Н. Муравьева «Оскольд», где он представлен князем, лишенным престола, и воином, предводительствующим новгородскими полками по милости варяжского князя [40: 24-25]. Сентиментальным героем, более погруженным в личные переживания, чем занятым судьбой отечества, изобразил Вадима Г.Р. Державин в короткой «Балладе» [41: 5-6].

Благодаря творчеству В. Жуковского образ Вадима получает очень важное дополнение. В своей неоконченной повести «Вадим Новгородский» 1803 г., а затем и в Балладе «Вадим» 1810–1817 гг. Жуковский изображает Вадима изгнанником, вынужденным покинуть Новгород [22: 211; 23: 111-134]. Исследователи отмечают влияние этого образа Вадима на наброски «Думы» К.Ф. Рыльева [24: 111-113], отрывки поэмы «Вадим» и одноименной трагедии А.С. Пушкина [25: 120-124; 26: 413], неоконченную поэму А.С. Хомякова [27: 475-505] и поэму М.Ю. Лермонтова [31: 111-116]. Под сильным влиянием творчества Жуковского находился и В.К. Кюхельбекер, называя «Вадима» Жуковского «чудно-прекрасным» [28: 512].

Примечательно, что сразу три произведения талантливых поэтов Рыльева, Пушкина и Хомякова, посвященных Вадиму, остались незаконченными. Да и повесть самого Жуковского осталась незавершенной, а его поэма «Вадим» имела к историческому персонажу весьма отдаленное отношение. Объяснением этого факта может быть версия литературной и сюжетной несовместимости двух образов Вадима – изгнанника и тираноборца, – выдвинутой исследователями [29: 93-109; 30: 14-20].

Однако следует заметить, что это не совсем так, наоборот, именно тираноборческий образ Вадима, созданный авторами XVIII в. Ломоносовым, Княжниным и в какой-то степени самой Екатериной II предполагал развитие образа Вадима и трансформацию его в изгнанника. Все это очень хорошо вписывалось в сюжетную линию, намеченную и Рылевым, и Пушкиным, и Хомяковым. Изгнанник Вадим, призванный раскаявшимися новгородцами, возвращается и возглавляет восстание против Рюрика. Даже если авторы и не могли, не погрешив против исторической истины, дать возможность Вадиму убить Рюрика, он мог героически погибнуть, сохранив статус тираноборца. Именно в таком образе предстает Вадим в поэме М.Ю. Лермонтова «Последний сын вольности», раннем произведении поэта. Вадим – изгнанник, который возвращается в Новгород, чтобы бросить вызов Рюрику и отомстить ему за тиранства и гибель любимой девушки, в смерти которой князь был косвенно виноват. Вадим в поэме не является предводителем восстания, он выступает в одиночестве и в ходе яростного поединка погибает от руки Рюрика. Темы изгнания и тираноборчества достаточно органично сочетаются в этом произведении [31: 111-116].

Сложно сказать, по какой причине несколько произведений, создаваемые почти в одно и то же время, остались незаконченными, но, скорее всего, здесь сыграла свою роль позиция Н.М. Карамзина по вопросу о признании достоверности летописной истории о Вадиме Новгородском. Н.М. Карамзин не обошел вниманием фигуру Вадима Новгородского ни как историк, ни как писатель, однако в разных своих ипостасях он действовал в отношении него противоречиво. Как писатель Карамзин дополнил, развил образ Вадима Новгородского, добавил реалистичности в его восприятие современниками, но как историк первым высказал мнение о легендарности фигуры Вадима и его вымышленности.

В исторической повести «Марфа Посадница или покорение Новгорода», написанной в 1802 г., Карамзин представил Вадима Новгородского, вобравшим в себя все магистральные

линии его образа. Прежде всего, Вадим у Карамзина герой новгородцев (в Новгороде ему установлен памятник, на месте, которое получило название «вадимово»), он защитник новгородской вольности («славяне скоро вознегодовали на рабство»), а также предводитель восстания против власти Рюрика, иноземного правителя («Вадим Храбрый звал его пред суд народа», «пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новгороде»). Однако Карамзин отказывает ему в праве считаться славянским князем, полагая, что в Новгороде до прибытия варягов была свободная форма правления. Героизм Вадима у Карамзина носит тираноборческий характер. Между ним и Рюриком происходит поединок («меч и боги да будут нашими судиями!») – отвечивал Рюрик, – и Вадим пал от руки его..»), но его сопротивление власти варяжского князя преступно, и Вадим осознает свое преступление («Новгородцы! На место, обогренное моею кровию, приходите оплакивать свое неразумие...») [32: 680-728]. Таким образом, карамзинский Вадим это и храбрый воин, не побоявшийся бросить вызов могущественному иноземному князю, «знамя» антиваряжской группы новгородцев, и тираноборец, выступающий в защиту новгородских вольностей, и преступник, поднявший восстание против законного правителя.

Именно таким, каким Вадим Новгородский был представлен в речах Марфы Посадницы в исторической повести, он стал восприниматься современниками Карамзина. В.Ф. Раевский упоминает Вадима наряду с Марфой Борецкой в стихотворении «Певец в темнице» [34: 197], Г.С. Батеньков в одном из своих писем из Новгорода писал, что находится «в окрестностях вадимова места» [35: 181], а В.К. Кюхельбекер в своей «Эстонской повести Адо» описывает «холм Вадимов», с которого говорятся крамольные речи [36: 333]. Вадим Новгородский воспринимался как реальный исторический персонаж, и Н.М. Карамзин добавил его образу реалистичности.

В то же время Н.М. Карамзин считал фигуру Вадима вымышленной и усомнился в достоверности свидетельства о нем.

Впервые отрицание Вадима как исторического персонажа встречается у Карамзина в публицистической статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» 1802 г. В ней он, изображая идиллическую картину (в прямом смысле этого слова) приглашения в славянскую землю Рюрика и его братьев, писал: «Если бы Гостомысл был в самом деле историческим характером, то мы, конечно бы, захотели его изображения; но Нестор не говорит об нем ни слова. – Вадим Храбрый принадлежит также к баснословию нашей истории» [33: 190].

В «Истории государства Российского», сообщая о роли Гостомысла в событиях, связанных с призванием варяжских князей, Карамзин почти дословно повторяет свою мысль: «Древняя летопись не упоминает о сем благоразумном советнике, но ежели предание истинно, то Гостомысл достоин бессмертия и славы в нашей Истории». А известие о Вадиме Храбром историк категорично отрицает, считая, что оно «не будучи основано на древних сказаниях Нестора, кажется одною догадкою и вымыслом» [37: 132, 134].

Из приведенных текстов Карамзина, становится понятно, что для него главным критерием истинности исторических свидетельств русской истории является упоминание о событии летописцем Нестором. Однако не стоит думать, что историк категоричен и последователен в своем отрицании достоверности известий о восстании Вадима. Он допускает вероятность этого события, хотя данный факт был очень неудобен историку, так как, если исходить из концепции добровольности призвания варягов в Новгород, создавалась нелепая ситуация: сначала позвали, потом одумались и стали сопротивляться новой власти. Карамзин попытался объяснить противоречие следующим образом: «люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать властителей, но могли и раскаяться, ежели варяги, единоплеменники и друзья Рюриковы, утесняли их...» [37: 134]. Таким образом, причиной восстания новгородцев под предводительством Вадима могли стать только притеснения их со сторо-

ны варяжской администрации (не в коем случае не самого Рюрика). Но и это кажется историку маловероятным, а вернее неудобным для его концепции, так как в своих сочинениях он рисует картину благоденствия страны под скипетром варяжской династии, поэтому он сомневается в истинности известия о Вадиме и отрицает факт восстания новгородцев.

Так как добровольность призвания варягов не увязывалась с фактом восстания Вадима, нужно было как-то их примирить, а сделать это можно было, только отрицая это восстание, что Карамзин и сделал, иначе, если было сопротивление Рюрику, ему следовало предположить, что не было призвания, а было завоевание Новгорода варягами. Подобным образом рассуждал современник Карамзина Н.П. Брусилов в своем исследовании «Историческое рассуждение о начале Русского Государства», опубликованном в 1811 г. в «Вестнике Европы». Он полагал, вопреки устоявшемуся мнению, что «государство Русское основано не добровольным приглашением, но силою оружия норманнов», и ключевым доказательством этого тезиса для него было восстание Вадима Новгородского: «Рюрик ... приспелъ со своими варягами, рассеял толпы едва собравшихся защитников свободы, предал смерти Вадима и его сообщников, и на сем камени создал державу, сей колосс, удивляющий и ужасающий вселенную!» [38: 312-316].

В исторической повести «Марфа-Посадница или покорение Новагорода» Карамзин точно так же, как и в «Истории государства российского», объясняет причину восстания новгородцев тем, что они раскаялись в добровольном подчинении иноземным властителям: «Но когда Рюрик захотел самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадим Храбрый звал его пред суд народа» [32: 688]. Однако в повести, конечно, нет отрицания факта восстания или даже сомнения в его достоверности. Наоборот, Вадим, как уже отмечалось выше, описан очень реалистично и представляет собой один из самых ярких тираноборческих образов.

В этом можно увидеть противоречие в позициях Карамзина как историка и как писателя (с исторической точки зрения Вадим – не существовавший никогда персонаж, с художественной – реальная личность), но это противоречие кажущееся. В повести «Марфа Посадница» Вадим Храбрый часть исторического предания о свободолюбивом Новгороде. Вполне возможно, что Карамзин считал именно Марфу Борецкую или ее окружение создателями легенды о Вадиме, откуда тоже она появилась и была занесена в поздние списки летописи. Даже если это предположение не верно, все равно Вадим Новгородский в «Марфе Посаднице» вымышленный персонаж, привлеченный Карамзиным для решения не только художественной задачи, но и для обоснования своей неизменной концепции о благодетельности монархической власти.

Историческая повесть о покорении Новгорода Иваном III воспринималась современниками как тираноборческий текст, однако, таковым она не являлась. В этом произведении Карамзин показывает, какие ужасы ждут тех, кто противится самодержавной власти. На всем протяжении книги писателем проводится прямая историческая аналогия между противостоянием Рюрика и Вадима Храброго и сопротивлением Марфы Борецкой великому князю Ивану III. Марфа-посадница обращается в своих речах к примеру Вадима как символу свободолюбивого Новгорода, князь Холмский, посланник московского князя, апеллирует к авторитету Рюрика – символу законной власти. Таким образом, противостояние Рюрика и Вадима перенесено Карамзиным в совершенно другой исторический период, в котором они выступают не как реальные исторические персонажи, а как символы, однако, природа их соперничества осталась прежней. Рюрик представлял легитимную (по призванию) справедливую монархическую власть, а Вадим олицетворял собой образ тираноборца, противника самодержавного правления, осознавшего свое заблуждение, после неудачного восстания.

Н.М. Карамзин прекрасно осознавал, какую опасность таит в себе существование в русской истории символа тиранобор-

чества. Ее он прекрасно описал в сценах захвата Новгорода войсками Ивана III и несчастьях новгородцев, поэтому счел за лучшее объявить Вадима Новгородского вымыслом, не желая подтверждать его историчность своим авторитетом. Кроме того, к тому моменту, когда Карамзин обратился к художественному и историческому изображению Вадима, тот уже имел длительную историю развития, и попытка совместить все ее линии привела к созданию достаточно противоречивого исторического героя. Видимо, Карамзин это также очень хорошо понимал, поэтому высказал мнение о баснословии истории Вадима.

Таким образом, анализируя исторические и художественные произведения, посвященные Вадиму Новгородскому, можно увидеть, как из короткого летописного упоминания рождается целостный образ русского героя, наделенного очень реалистичными чертами. Авторы придумывают этому персонажу подробную биографию, не стесняясь приписывать ему самые различные речи и вкладывая в них самые разные смыслы. Можно констатировать, что именно сочинения историков заложили основу последующего литературного интерпретирования истории восстания Вадима Новгородского. Разбирая художественные произведения XVIII в., можно четко проследить литературные заимствования. К примеру, Екатерина II, создавая свою трагедию «Историческое представление из жизни Рюрика», опиралась более всего на В.Н. Татищева. Я.Б. Княжнин в трагедии «Вадим Новгородский» – на М.В. Ломоносова, а П.А. Плавильщиков в пьесе «Рюрик» – на Ф.А. Эмина. Но, в тоже время, в трактовке сюжетов и образов как в исторических, так и в литературных произведениях можно видеть взаимовлияние авторских концепций. Соединение различных линий развития образа Вадима Новгородского очень хорошо прослеживается в сочинениях литераторов начала XIX в. Так В.А. Жуковский добавил дополнительный штрих к нему, представив Вадима изгнанником. В неоконченных произведениях А.С. Пушкина, К.Ф. Рылева и А.С. Хомякова, так же как и в поэме М.Ю. Лермонтова этот новый элемент образа достаточно четко прорисовывается.

Однако сомнения Н.М. Карамзина в достоверности свидетельств о Вадиме Новгородском не были проигнорированы историками следующих поколений. Они также были склонны считать вымыслом факт восстания против Рюрика [42: 78-83], вследствие чего, и литераторов этот герой перестал интересовать [43: 104]. Вадим Новгородский постепенно исчезает из исторических и литературных сочинений, а затем и исторической памяти.

Литература

1. Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767. Ч. 1. 236 с.
2. Полное собрание русских летописей. Т. 9. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. А.Ф. Бычкова. – СПб: Типография Эдуарда Праца, 1862. 256 с.
3. Повесть временных лет // Повести Древней Руси. М., 2009. 736 с.
4. *Татищев В.Н.* История Российская. В 3-х тт. М., 2005. Т. 1. 568 с.
5. *Татищев В.Н.* История Российская. В 3-х тт. М., 2003. Т. 2. 732 с.
6. *Ломоносов М.В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого князя Ярослава первого или до 1054 г. СПб., 1766. 145 с.
7. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985. 272 с.
8. *Соловьев С.М.* Собрание сочинений. СПб.: «Изд. Т-ва «Общественная польза», Б. г. Стб. 1616 стлб.
9. *Шамрай Д.Д.* Ф. Эмин и судьба рукописного наследия М. В. Ломоносова // XVIII век. Сборник. № 3. М.; Л., 1958. С. 471-472.
10. *Эмин Ф.А.* Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великие и вечной достойные памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере злато-

- го века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая. СПб., 1767. Т. 1. 504 с.
11. Словарь Академии российской. СПб., 1789. Ч. 1. От А. до Г. 634 с.
 12. Словарь Академии российской. СПб., 1790. Ч. 2. От Г. до З. 664 с.
 13. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями / А.Н. Пыпин. Т. 8. Труды исторические. Записки касательно российской истории. Ч. I-II. СПб., 1901. 480 с.
 14. *Екатерина II*. Подражание Шакеспиру, историческое представление без сохранения театральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями / А.Н. Пыпин. Т. 2. Драматические сочинения. СПб., 1901. С. 220-251.
 15. *Грот Я.К.* Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб., 1879. 791 с.
 16. *Валк С.Н.* В.Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век. М.; Л., 1966. С. 66-73.
 17. Собственноручное письмо Екатерины II к Сенаку де Мельяну, в ответе на его два письма из Москвы, с замечаниями об этом городе, об русских историках, о дальнейшем путешествии де Мельяна и проч. // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 42. СПб., 1885. 547 с.
 18. *Екатерина II*. Сочинения / Сост., вступ. ст. и примеч. В.К. Былинина и М.П. Одесского. М., 1990. 557 с.
 19. *Княжнин Я.Б.* Вадим Новгородский // Русская литература. Век XVIII. Трагедия. М.: «Художественная литература». 1991. 545-592 с.
 20. *Габель М.* Литературное наследство Я.Б. Княжнина // Литературное наследство. № 9-10. М., 1933. С. 359-368.
 21. *Плавильщиков П.А.* Рюрик // Русская литература. Век XVIII. Трагедия. М.: «Художественная литература». 1991. С. 593-642.

22. Жуковский В.А. Вадим Новгородский // Вестник Европы. 1803. Ч. 12, № 23-24. С. 211-234.
23. Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4 т. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 2. 451 с.
24. Рылеев К.Ф. Думы. М.: Изд-во АН СССР, 1975. 255 с.
25. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 4. Поэмы. Сказки. 1977. 495 с.
26. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. 1978. 527 с.
27. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л.: Советский писатель, 1969. 596 с.
28. Воспоминания Н.А. Маркевича о встречах с Кюхельбекером в 1817–1820 гг. / Предисл. А.А. Орловой; публ. и коммент. Н.Г. Розенблюма // Литературное наследство. Том 59: Декабристы-литераторы. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 805 с.
29. Кошелев В.А. Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском // Литература и история (исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII – XX вв.). СПб., 1997. Вып. 2. С. 93-109.
30. Китанина Т.А. Предание о Вадиме Новгородском в политической драме конца XVIII – начала XIX в., или почему Пушкин так и не написал трагедию «Вадим» // «...Он видит Новгород Великой»: Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». Великий Новгород, 31 мая - 4 июня 2004 г. СПб.; Новгород, 2004. С. 14-20.
31. Лермонтов М.Ю. Последний сын вольности // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1935–1937. Т. 3. Поэмы и повести в стихах. 1935. С. 111-136.
32. Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах / Подготовка текста и примечания П. Берков. М. – Л.: «Художественная литература», 1964. Т. 1. 811 с.

33. *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения в двух томах / Составление, подготовка текста и примечания Г. Макогоненко. М.–Л.: «Художественная литература», 1964. Т. 2. 592 с.
34. *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Документы о революционной деятельности и судебном процессе. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1980. 416 с.
35. *Батеньков Г.С.* Сочинения и письма. Т. 1. Письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989. 528 с.
36. *Кюхельбекер В.К.* Сочинения / Сост., подгот. текста, коммент. В. Рака, Н. Романова; Вступ. ст. Н. Романова; Коммент. В. Рака, Н. Романова. Л.: Худож. лит., 1989. 576 с.
37. *Карамзин Н.М.* История государства российского. СПб., 1818. Т. 1. 492 с.
38. *Брусилов Н.П.* Историческое рассуждение о начале Русского Государства // Вестник Европы. Часть LV, № 4, 1811. с. 284 – 316.
39. *Херасков М.М.* Царь, или Спасенный Новгород. М.: Университетская типография у Ридигера и Клаудия, 1800. 246 с.
40. *Муравьев М.Н.* Оскольд. Повесть, почерпнутая из отрывков древних готфских скальдов // Русская историческая повесть первой половины XIX века / Сост. В.Т. Башкирова, вступ. статья Н.Е.Носова. М. Правда. 768 с.
41. *Державин Г.Р.* Баллада // Маслов В. И. Библиографические заметки. Киев: Тип. Т. Г. Мейнандера, 1911. Вып.1: Библиографические заметки. I. К литературным обработкам предания о Вадиме Новгородском. С. 3-6.
42. *Рукавичникова В.В.* Вадим Новгородский в русской историографии и литературе (исторический факт и его интерпретация) // Русская литература. 2000. № 4. С. 73-83.
43. *Замотин И.И.* Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1901. 112 с.